

* * *

Косарь на лунном поле в ауре лунных трав
смотрит на Землю, где хата осталась с краю,
где трактор ровняет разрытый участок на месте костра,
в который бросали листья увядших деревьев и кости храбрых
искателей смысла. Там старой калитки петля
скрипит о былом на ржавом наречии перед входящим
в руины двора, чтоб цепкая пятерня
поймала какой-нибудь блик, сквозь почтовый ящик
проникший в безлюдную бездну из стен и ветвей...
Луна повернулась своим гипнотическим боком
к той точке пространства, что в синем сплетении вен
становится болевой под действием тока
ночных фонарей. Мы смотрим с Земли на Луну,
но не видим ни поля, ни трав, ни косаря, ни его глаз —
вероятно, в нашем земном дыму
жизнь — то, что внизу, то, что в руках у нас...

Старая бабка в плену телевизора гладит кота.
Она — глуха, впрочем, важна лишь картинка,
лишь галстук ведущего, в чьем паспорте место рождения — Воркута
или Воронеж, чей рот вымазан земляникой,
а вещает о чем-то квадратном, как этот плоский экран,
о чем-то железном, пахнущем маслом и потом грузчика —
и рот его, образуя квадрат, говорит языком геометрии. Сотню грамм
выпьет косарь, вспомнив маму, сидевшую в тихом углу — в гуще

Андрей Николаевич Дмитриев родился в 1976 году в г. Бор Горьковской области. Заочно окончил юридический факультет Нижегородского коммерческого института. В офицерском чине служил в милиции. С 2011 года — в сфере средств массовой информации. В настоящее время — редактор отдела экономики газеты «Земля Нижегородская». Член Союза журналистов РФ с 2013 года. Автор сборников стихов «Рай для бездомных собак» и «Орнитология воды». Публиковался в журналах «Нева», «Гвидеон» (Москва), «Вокзал» (Санкт-Петербург), «Южная звезда» (Ставрополь), «Журнал ПОэтов» (Москва), «ЛиФФт» (Московская область), «Зарубежные задворки» (Дюссельдорф, Германия), «Нижний Новгород» (Н. Новгород), в альманахах «Земляки» и «Литкульт», в электронных изданиях. Лауреат премии имени Бориса Пильника под эгидой Нижегородского отделения Союза писателей РФ (2010). Живет в Нижнем Новгороде.

новостных пантомим. «Земля, Земля. Я вызываю Землю».
А Земля, сделав виток, на ось намотала нить
и укатилась под стол, где кот задается целью
все спутать в игривых когтях, а потом молока просить.

* * *

Когда гаснут дома и земля поворачивается набок —
что-то меняется в составе воздуха, и вокруг
оживают предметы, что казались мертвыми, тихой сапой
летит лебединая песня, обращенная в пух,
на гладь еще не расплесканного звука с ледяною корочкой тишины.
Что-то меняется в составе воздуха, в составе слова —
художник, подтачивающий карандаши,
это чувство берет за основу
после возгласа полбутылки виски об иллюзорности очертаний
и не стремится пряничный космос запечь в приготовленной рамке.
В маленькой комнате кто-то уснул, читая
об этом, и, словно пчела в раскрывшемся маке,
гудит в такт с закадровым голосом —
желтое тельце разума обрамляют черные полосы...

* * *

Хорошо бы проснуться после этого зябкого сна
все таким же живым — воскресшим, вновь обретенным, пернатым,
с головой-лампочкой, в которой ликует свет, звенящим — будто оса
над долькой разрезанной дыни, глубоким, как лунный кратер...
Догорают вещи на вешалках, шелестят распухшие книги,
рыбы выпрыгивают из воды, пытаюсь коснуться рыбьего бога...
Мальчик в клетчатой кофте, на скрипке своей пиликай
возле окна, открытого в душный мир, в котором — от муравья до носорога —
все хотят жить. Хорошо бы проснуться под эту музыку
и улыбнуться собственному опыту возвращаться в ту же точку на карте,
откуда спускался по тропке узенькой,
подталкиваемый ритмичным движением миокарда,
к бескрайнему морю, где у каждого камушка есть имя и дата
рождения, где что-то давно ставшее голосом из гулкой раковины
вещает о небе на загорелых плечах атланта,
как о пучине огромного мегаполиса в фокусе глаза живущего на окраине...

* * *

Император обходит войска — всматривается в каждое лицо
гвардейца, стоящего по стойке «смирно»
напротив дворца, где на завтрак несут яйцо
на блестящем подносе — всмятку или вкрутую. Картою мира

застелена пустота в белой спальне, и все вздохи — в шитье.
На жердочке попугай — повторяет имя свое по-французски,
а по телевизору все идет и идет — многопалая, как буква «ж» —
повесть временных лет с закадровым голосом пойманного моллюска.

По зиме елки становятся — выше, пышней, колючей.
Лес подходит вплотную к монолитной стене города.
Мы едем в центр из средневековой истории, где королевский лучник
полюбил дочь герцога, но вскоре
погиб на Столетней войне — номер маршрутки заляпан
грязью расхлябанной цивилизации,
но к чему эти цифры, когда даже белые пятна —
не родня циферблату. Касаться
темы спаленных мостов — предаваться мрачной поэзии,
где Верлен и Рембо потонули в абсенте,
которым люди рассудка сегодня брезгают,
сидя на морковной диете,
хотя, обернувшись назад, видишь это буйное пламя
и себе представляешь последнего гренадера,
перебравшегося через реку. Слишком много в бокале лайма,
слишком темно в черном желобе коридора.

Над дворцовой площадью — чайка — предвестник моря.
Мы болеем за те команды, в которых играли слепых.
Мать-императрица, стоя за плотной парчовой шторой,
смотрит на сына, что на плацу ивовым прутиком общей судьбы
дирижирует смертью с блаженным лицом ребенка.
Сердце забило в угол, где лампада фамильной иконы
перемещает тени, и откуда-то сбоку
приходит вечер, принося запах свежеспиленного клена...

* * *

Мужчина с головою быка и крыльями серого голубя —
обычный объект коммунальной жизни в черте небольшого города,
где сатиры по пятницам пляшут пьяные, а нимфы — голые,
где всех громче поет по ночам запоздалая «скорая».
Его зовут Петр, по отчеству он — Кузьмич.
Роспись — нервный комок туго сплетенных линий,
а на фото в паспорте — то ли бык, то ли голубь, то ли пасхальный кулич,
испеченный в шестидесятых — в проталине среди «хрущевок» из глины,
лунного камня и кусков вулканической лавы.
На работе не ценят, дома не ждут, но когда заходит в поодъезд,
уборщица в синем халате — тетя Клава —
говорит: «Здравствуй, Петя», и он обретает вес...

Вокруг — хлябь и ветер. Дома, как нелепые храмы
в честь хмурых небес, ищут свой колокольный звон
в развалинах времени. Петр Кузьмич, в охране
работая два через два, стал к иному графику зол,
однако сегодня — в свой случившийся день рождения —
он вспомнит, что бык — символ плодоносящей земли,
а голубь — знак равенства между воздухом и им отброшенной тенью,
подменится и из томика «Мифы Эллады» достанет рубли...

* * *

На берегу озера — домик в японском стиле.
Самурайские грезы. Совхозные трактора грызут тишину
чуть в стороне. Сёгун наливает водки и звонит на мобильный
знакомой гейше, едва не набрав жену.
Не надо быть ни Такеши Китано, ни Куросавой,
чтобы в следующем кадре поймать ветку вишни,
под которой на столике порезаны хлеб и сало,
но не схвачены камерой, поскольку кажутся лишними...